у нас на гастролях

О ЧАРОВАНИИ НАРОДНОЙ КОМЕДИИ

СЕМНАДЦАТЬ лет назад «Пикколо театро ди Милано» показал ленинградцам спектакль «Арлекин — слуга двух господ». И с кем бы из видевших его ни приходилось говорить — все помнят. Помнят блистательного Арлекина — Моретти, словно возродившего давно угасшую традицию итальянского народного театра — «комедии дель арте»; дух вольной импровизации, царивший на сцене и увлекавший зал, и словно все еще перед глазами неиссякаемый каскад трюков — так изливалась ликующая радость жизни. «Мне кажется, если бы Вахтангов мог посмотреть спектакли Пикколо театро, они бы ему понравились», — написал в те дни Николай Павлович Акимов.

И вот «Пикколо» приехал снова, приехал в свой юбилейный сезон — первому стационарному театру Италии исполнилось тридцать лет. И снова привез комедию Гольдони. Но не стоит делать опрометчивых обобщений — это отнюдь не

«Театр Гольдони». «Пикколо» открылся спектаклем «На дне» Горького, он показал почти всего Чехова (даже несокращенную драму «Платонов»), а именно в эти дни часть труппы, оставшаяся дома, играет «Вишневый сад». Любовь к русской классике не слабеет. А рядом с Чеховым на афише значится Брехт — недавно снова сыграна «Трехгрошовая опера», где яростная антибуржуазность театра проявилась с публицистической прямотой.

И Чехов, и Брехт, и Гольдони поставлены одним режиссером — Джорджо Стрелером, создателем театра, одним из мастеров современной режиссуры. На сей раз Стрелер избрал пьесу малоизвестную, не отмеченную громкими сценическими триумфами. Избрал потому, что увидел в ней «великую плебейскую комедию». «Кампьелло» — так в Венеции называют любую площадь, кроме единственной и неповторимой площади Святого Мар-

ка. Конечно, по нашим понятиям, это никак не площадь — просто пятка, образованная пересечением узких улочек. Но для обитателей окрестных домиков, в которых ютится беднота, это целый мир, средоточие встреч и разлук, дружеских излиятий и шумных баталий, на кампьелло рождаются надежды и рушатся мечты.

Не стоит пересказывать фабулу пьесы — переплетение любовных новелл и зарисовок быта венецианской бедноты. Важен накал страстей, нелепость ссор, безудержное веселье редких праздников тех, кто чувствует себя хозяином этого клочка земли, зажатого замшелыми стенами. Впрочем, в тот день, когда на кампьелло попалася мы, зрители, все облагорожено белизпой — в Венеции выпал снег!

Комедия Гольдони изобилует эпизодами каждодневного быта, и все-таки в ней торжествует стихия игры. Именно такого Гольдони любит Стрелер.

Нас не убеждают: «Именно так это бывало». Нам говорят: «Так это играют». Играют виртуозно. Для актеров «Пикколо», кажется, не существует технологических трудностей, более того, ни о каких трудностях они вроде бы и не догадываются; настолько органично здесь каждое сценическое мгновение, настолько непосредственны движения души и тела. Все рождается, воспользуемся словами Станиславского, «здесь и сейчас».

Не будем заблуждаться: вся прихотливость мизансцен, все ключевые движения, позы и жесты — нелепые, смешные и трогательные, пленяющие естественностью и сиюминутностью, — жестко выстроены и выверены. Сила спектакля вовсе не в актерской вольнице, а в том, что сложнейший пластический рисунок, предложенный режиссером, «освоен» до такой степени, что он стал для актеров единственно возможной формой существования в образе.

Прославленный оперный режиссер (его интерпретации Моцарта давно признаны классическими), Стрелер как-то сказал: «Не оказавшись я режиссером, наверняка стал бы дирижером». Он и стал дирижером, хотя и не в буквальном смысле. Ритмическая партитура его спектаклей безукоризненно точна. Через перепады ритмов — от взвихренности до тягучей вялости — жизнь венецианского «пятачка» — кампьелло открывается с не меньшей глубиной, чем через характеры героев.

Лишь однажды режиссер вступает в спор с драматургом, спор этот очень важен. У Гольдони комедия заканчивается радостным предавкушением несолого буйства карнавала, у Стрелера — полным грусти и меланхолии расставанием с Венецией. Герония прощается со своей Венецией — со своим кампьелло, театр — с той Венецией, которая воплощает открытость страстей, простоту человеческих отношений, неизбежность счастливых коштовков.

...Пройдут года, но в памяти видевших этот спектакль останутся странная заснеженная Венеция, и острые силуэты фигур на фоне серо-белых стен, и многоголосица жизни, и чувство радости, дарованное театром.

В. САХНОВСКИЙ-ПАНКЕЕВ
доктор искусствоведения

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
«Ленинград»

21 АПР 1977